

18+

Данил Казаков

Ищи меня

Девушка-швея попала в рабство. Она подаёт на волю весточку.

Данил Казаков

Ищи меня

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Казаков Д. В.

Ищи меня / Д. В. Казаков — «ЛитРес: Самиздат», 2000

В повести героиня попадает в рабство. Тюремщик заставляет её шить вещи на продажу. Узница скучает по своей дочке и матери, думает о женихе. Он не прерывает связи с её матерью. Они пытаются найти узницу. Героиня пытается подать на волю весточку о себе. Тюремщик и его подручный избивают её. Однако узнице всё равно удаётся подать о себе весточку, которая спасает её от рабства. Вместе с ней подвал покидает ещё одна женщина, попавшая в рабство позже.

Перед невысоким, но широким домом на березовом чурбаке крутится маленькая, светловолосая девчушка. Играет с нарядной куклой. На девочке голубое в мелкий белый горошек голубое платье и такая же косынка.

На заборе висит материна кофта, сушится.

В палисаднике, рядом с кустами сирени распустились три тюльпана: два красных и один желтый. Коза Белька оперлась передними копытами о верхнюю жердь и давай жевать молодые листья свесившейся ветви. Девчушка взяла ветку отогнала козу.

Все шло по-прежнему. Ее любили мама и бабушка. Но в последнее время появился какой-то дядя Вася. Он высокий, худой все время улыбается, ходит в коричневой курточке с карманами; в одном из которых обязательно была шоколадка. Мама тоже улыбается ему. Оба они очень ласково относятся к девочке, гладят по головке.

Галина стиралась. Выполосканное белье еще лежало в тазиках. Она присела отдохнуть на перевернутый ящик в огороде. С детства росла мечтательницей. Мечтала о красивом принце, богатой жизни. Принц испарился, как только узнал о беременности. Осталась девочка с романтическим именем Эля. Постепенно желание Гали все более приближалось к действительности к обычному парню к простой жизни. Тут и появился Вася.

Анисья тоже задумывается о судьбе дочери, Шансов мало, а всё же хочется дочери бабьего счастья.

Галина бродит по вышке, развешивает бельё. Стекают с полотенец, с простыней чистые капли воды. Сквозь выбитый осколок стекла в маленьком окошке, врывается яркий луч солнца. С улицы доноситься бляенье козы и крики дочери.

Всю зиму сжигала тоска. Ближе к весне наметились отношения с Васей. Обещал прийти сегодня. Из раздумий её вывел голос матери. Она звала дочь домой.

– Сейчас, – соглашается Галя, – лишь Эльку приведу, да Бельку загоню.

Борька

Мужик, которого Галя знала, как Борьку, с утра стоял на остановке.

Неприметный с виду: среднего роста, среднего телосложения, короткие рыжеватые волосы. Полные губы и широкий нос смягчали угрюмость серых глаз, придавали его лицу добродушный, простецкий вид. Он сидел в углу. Откуда просматривался конец крайней улицы. У второго с краю дома его манило к себе голубое пятно Эллиного платья. Девчушка сидела одна. Но ему нужна не дочка, он охотился за матерью.

Борька посмотрел в сторону от остановки и разглядел своё окно с геранью.

Он успокаивающе улыбнулся: значит, Петька, его помощник, сейчас в гараже, ждёт.

На другой стороне дороги Борька отметил уже надоевший ему сруб и одиноко бродящего поблизости крупного козла. Козёл лениво грыз кору с еловых жердей, недавно привезённых и брошенных сюда. По краю сруба пробежала кошка.

Вдруг коза высунула голову из-за сруба, потом медленно подошла к козлу. Борька тяжело задышал, растерянно глянул на окно с геранью и решительно направился к срубам.

По дороге он взял в руки хворостинку, намериваясь отогнать козу подальше от сруба в сторону своего дома. Упрямая скотина не понимала гениальность его замысла, не хотела уходить от козла. Тогда Борька стукнул Бельку поперёк хребта, а затем, размахнувшись, протянул вдоль боков. Козочка жалобно заблеяла, козёл угрожающе нагнул лобастую голову. К остановке подходил автобус, Борька умерил свои действия. Он бросил прут, лениво прислонился к срубам, пережидая, пока уедет автобус, увезёт лишних свидетелей.

К срубам подошла Галя.

– Вот ты куда убежала? – ругала она козу, – жениха нашла?

– Здорова, Галя, – Борька приветливо обратился к ней. – Ты козу ругаешь, а я себя ругаю: бежал-бежал на автобус, а всё ровно опоздал, жди теперь следующего.

– Здорово, коллега, – насмешливо ответила она, – спешишь ты не от своего дома?

– К Василию заходил, он у меня весло оставил ещё зимой, а всё ни как забрать не может.

Сегодня уезжаю – вот и накрылась его рыбалка.

Вася жил не там и не считался заядлым, чтобы иметь свою лодку, рыболовом. Но Галю порадовала возможность услужить жениху.

– Весло давай я заберу. Если поспешим, то на следующий автобус ты ещё успеешь.

Такой удачи Борис не ожидал. Боясь спугнуть её, он сдерживал свой порыв.

– Мне с мужиком удобнее. Там у меня вёдра на вёслах, – как бы соглашаясь, придумывал он уловку, вынуждая её самой зайти в глубину гаража. – Если ты их поддержишь, они пустые.

– Подержу, конечно, – согласилась Галя. Его сомнения она приняла за внезапный прилив деликатности, накатывающий временами и на её Васю. Она завернула козу обратно к дому, сделала за ней пару шагов, стегнула прутом, брошенным Борькой, и повернулась к нему, – пошли.

От остановки отходил автобус. Борька с трудом оторвался от брёвен, спокойствие покидало его. Он пошёл напрямик, не выбирая место суше. Не просохшая грязь засасывала его полуботинки, замарала края его брюк. Он спешил и почти насильно тянул Галю за руку. А она обходила грязь, оберегая новые сапоги, иногда отрываясь от парня на метр и снова приближаясь к нему. На влажной земле чётко обозначился бугорчатый рисунок её сапог. Его следы терялись в жидкой грязи. Он смотрел вперёд: на свой дом, на герань, на гараж и снова на герань. Борька первым заметил красный, быстро мчащийся автомобиль, вовремя успел остановиться и остановить Галю. Он резко отдернул её назад. Они оба упали на обочину, на просохшие, поросшие редкой травкой, гальки.

– Спешить надо медленно, – назидательно проговорил Борька, отметив, что она в его пользу оценила ситуацию. Они тихонько поднялись, отряхнулись. Галя надела зелёную кофточку, без дела болтающую в руке. Осторожно они перешли дорогу.

– Чуть было не отдали богу душу, – на Борьку нашёл приступ болтливости, – смотри, как гнал. Ему что курёнка задавить, что человека – без разницы. Я номер запомнил – все пятёрки, а последняя тройка. Судиться будем?

– Зачем? – удивилась Галя, – сама виновата, да и не пострадал ни кто.

– Да, не пострадал, – деланно обиделся Борька. – А я штаны себе порвал. – Он остановился и показал ей маленькую дырочку на коленке, полученную в другое время и в другом месте. Борис тянул время: приближающие ворота пугали его. Помня о них, он старательно отвлекал своё и её внимание. Перед самым гаражом путь их преградили пять свежих коровьих лепёх. Борька игриво перепрыгнул, стал открывать ворота. Руки его дрожали, ключ вошёл боком и не хотел выпрямляться. Борька вытащил его обратно, снова стал открывать. Пряча глаза от Гали, поднял их к небу. Проследив за его взглядом, туда же посмотрела и его спутница. Размытый пух облаков стелился по голубому небу. Борька широко открыл старые ворота, отметив про себя серую курточку, висящую с краю, стоящие под ней сапоги и валяющееся на земле тяжёлое, берёзовое полено.

– Вот там вёдра, – вяло махнул он рукой в дальний угол и рванулся сам вперёд, ворочать железяки, греметь, стараясь позабыть о происходящем позади него. Сознание его всё же отметило шуршание, стук, крик, мягкое падение тела. Обернувшись, он увидел, как Петька открыл люк и толчком столкнул туда Галю.

– Дурак! – подскочил рассерженный Борька.

– Ты чего, хозяин? – оторопело уставился Петька.

– Ведь ноги переломает. Сами бы спустили. А в общем ты молодец! Надеюсь, что всё обошлось. Пусть птичка посидит, попривыкнет, а мы с тобой отметим это дело.

Он похлопал, растеряно улыбающегося Петьку по плечу и увлёк его домой.

Комната Борька по сравнению с прошлым, года три назад посещения Петьки, выглядит богаче. Появился мягкий диван, два кресла с красноватыми накидками, стены оклеены дорогими в золотистую крапинку обоями. На полу ковровые, полосатые шторы, на окнах тюлевые шторы, в углу в объёмном зелёном горшке примостился фикус. На окне красным пятном маячит герань, которую Петьке следовало убрать, если у него не хватит терпения стоять в гараже дальше. Но у Петьки терпения хватало и теперь он допущен в жилище своего шефа. У Борьки остановка богаче, чем у Петьки, но в доме явно давно не прибирали. На окнах пыль, на полу грязь, на широких листьях фикуса тоже пыль. На кухне, на русской печи с широкой лежанкой валяется скомканная постель. Кухня обставлена похуже, чем комната, почти как у них: тоже сервант, белый столик, табуретки, бачок, плитка с чайником, только без салфеток и пыли больше. Из комнаты выходит жирный рыжий кот, трётся о ногу хозяина. Борька легонько отодвигает его, долго моет руки с мылом, тщательно вытирая каждый пальчик, потом бросает полотенце Петьке.

– Умойся!

Сам проходит на кухню, ставит подогреть чайник, из навесного шкафчика достаёт кулёчки, пакетики, из серванта берёт пару рюмок и бутылку водки. Через пять минут стол заставлен копчёной рыбой, колбасой, сыром, хлебом, конфеты россыпью лежат на столе, в рюмках до краёв налита водка.

– Ты скоро? – торопит хозяин гостя.

– Шнурок не могу развязать.

– Да иди так, – машет рукой Борька, – руки только вымой.

Петька торопливо моет руки, садится за стол, прячет ноги за спинку стула.

– Ну, выпьем! – Борька кивает на рюмки, – выпьем за нашу новую жизнь, за новые ботинки с новыми шнурками. Я вот тоже в старых хожу. И телевизор у меня старый, и на кузне всё старье, и компьютера у меня нет. Выпьем за всё новое, лучшее, чем было у нас! Выкопали мы с тобой комнатку у меня под гаражом, посадили туда Гальку-швею. Теперь пусть она на нас работает.

Петька понимающе кивает головой, во всём согласный с рассуждениями хозяина. Он с готовностью выпивает, закусывает кружком колбасы и достаёт ногу из-под стула: так легче сидеть.

– Так, – продолжает Борька, – вроде всё мы с тобой правильно сделали. Выкопали, обшили, стол поставили, нары сделали, машинку швейную, посуду кое какую и главное – рабу поймали.

– Адский труд, – буркнул Петька, – сколько земли вытащили, доски затаскивали.

– Всё окупится, – перебил Борька, – но надо тебе ещё одно, – он махнул рукой и тот пододвинулся ближе, – я ещё приковал там ошейник. Баб на цепь будем сажать, так надёжнее, я всё продумал. И ещё принеси из дома швейную машинку, Маньке своей скажешь, что пропил.

Петька испуганно замотал головой.

– Или Маньку сюда? – строже сказал Борька, – почему я должен жертвовать своей машинкой, и ты нет?

– Манька шить не умеет, – выдавил Петька, – ничего не умеет. К Гальке шить носит. Я лучше машинку принесу.

Борька довольный, качнул головой.

– Принеси, и чем быстрее – тем лучше. – Он снова наполнил рюмки и они снова выпили.

– Ты пришли ко мне свою Маньку, – Борька облокотился на стол, – пусть она мне тут приберётся. Я заплачу, не обижу.

– Ещё чего! – Петька низко склонил голову, выпятил толстые губы. Борька удивлённо глянул на гостя, а потом расхохотался.

– Да только мыть и зову, прибраться. Нужна она мне твоя толстуха. Я больше тоненьких люблю, гибких, чёрненьких, с длинными косами, с зелёными глазами.

– Как соседка моя, Улька, – усмехнулся Петька, – тощая, смотреть не на что. Две доски сбиты, да она прибита.

– У – ЛЬ – Я – НА! – чётко поправил Борька. Он сердито хмурит брови, затем хватает пакет, пихает туда колбасу, сыр, конфет, рыбу, суёт его Петьке в руки. Вновь закрывает бутылку пробкой, в которой плещется ещё больше половины водки, тоже даёт её гостю. – Иди, угости Маньку. Устал я от тебя, спать хочу.

Петька растерянно встаёт, прижимает пакет к груди

– А чё мне Манька, – рассуждает, – пришло, пусть моет, для друга мне ничего не жалко.

– Иди, – машет рукой Борька.

Петька уходит, он живёт в квартале от Борьки.

Оставшись один, Борька сдвигает закуски на край стола, достаёт из серванта продолговатую бутылку с золочёной фольгой на горлышке, наполненную красноватой жидкостью. В высокий фужер из тонкого стекла наливает вино и медленно пьёт его, глядя в окно.

На берёзе распустилась молодая листва, на остановке собрался народ. На полянке по-прежнему бродит козёл.

– Козёл, – расплывается в улыбке Борька, – он снова наполняет фужер, – вот, козёл, за тебя я выпью и ещё за Ульяну.

Ожидание

Мать ушла, скрылась за поворотом. Эля стала одевать куклу, натянула ей трусы, носочки, туфельки, белое бальное платье. Расчесала кукле волосы, привязала ей большой бант. Мать всё не возвращалась, девочка заскучала. Из-за угла показалась Белька, задержалась у лужи, затем послушно подошла к дому, а мать всё не возвращалась. Эля растерянно оглянулась, выискивая в редких прохожих мать. Прошла женщина в синем платье, потом старичок с палкой в руке, проехал мальчик на велосипеде. Потом подошла маленькая женщина. У неё толстые ноги, короткие руки, кругленькая головка вся в мелких завитушках, маленький носик.

– Мама дома? – сладко пропела она.

– Долго вас ещё ждать? – Анисья выскочила на улицу, – куда вас ещё унесло? Все пироги остынут. Где мать, куда ещё ушла?

– Вон туда, – девочка снова забралась на чурбак и показала вдаль, – туда ушла, за Белькой.

– Здорово, Анисья, – дала о себе знать пришедшая, – чего ругаешься?

– Здорово, Маня, – Анисья заулыбалась, заметив в руках у Маньки свёрток. – Не ругаюсь я. Галя за козой ушла, а чего за ней ходить? Вон, сама вперёд хозяйки домой вернулась. А ты никак платье шить принесла?

Беспокоилась уже Анисья за дочку, мельком бросала взгляды в ту сторону, куда показала Эля, но и о заказчице не забывала, восхитилась её чудо-материей, ярким пятном блеснувшим на солнце. Красные, синие, жёлтые звёзды сливались концами воедино, создавая пёстрый, утомляющий глаз, рисунок.

– Уж я люблю всё яркое, – щебетала Манька, подбадриваемая восхищённым взглядом Анисьи, – мой Петя это знает и где чё увидит, то всегда мне покупает.

– Кримплен, – потрогала материя Анисья, – теперь такое и не достанешь.

– Нет, нет, – поддержала похвалу Манька, – где уж, теперь один ситчик. А это ещё давно, по великому благу Петя мне достал.

– Сошьёт Галя, – обрадовалась Анисья, забирая материя, – размеры твои у неё есть, не в первый раз шьёт.

– Есть, есть, – снова подтвердила Манька, – а за лето я не пополю, похудею только, Петя любить не станет. Я наметила посадить нынче бобы, горох, фасоль, перцы, баклажаны, ну и всё основное, чтобы у меня всё было, как и полагается....

Манька в их округе слыла не лучшей огородницей, и Анисья слушала её лишь из вежливости.

– У меня пироги стынут, – решила прервать она Маньку, – зайди к нам, попробуешь.

– Нет, нет, – запротестовала та, – не пойду, и не упрашивай. Скоро Петя должен прийти. Где, спросит, моя баба, куда ходила?

Манька уходит. Анисья смотрит в сторону остановки. Нет Гали. Прошёл парень в голубой рубашке. Проковылял старик в ещё зимней шапке, а Гали всё нет.

– Пойдём, – дёрнула Анисья внучку за руку, – нагуляется – придёт. Нет, чтоб по людски уйти, так крадучись убежала. – Она решила, что дочка тайком убежала к этому Васе, – и ватрушки не нужны, – ворчала она.

Но, опять же всё прибрала, вымыла, постирала. Лицо старушки постепенно добреет. Досыта поев и накормив внучку, она наполняет до краёв стакан сметаной и ставит его в холодильник, для Гали. Придёт – поест.

Тишина в доме. На вымытом полу, копируя очертания окон, лежит солнечный свет. Ещё Галей сдвинутый в сторону печи стол с белой скатертью, загораживал собой диван. У окна стоял массивный комод, по обе стороны которого ютилось по тумбочке. В комнате стоял ещё один диван и мягкое широкое кресло, в котором сейчас тихонько сидела Эля, прижимая к себе куклу. Стол загораживал проход в другую комнату, где поместилась только кровать с тумбочкой, белый столик и такой же белый стул. Из-под кровати выглядывала коробка с игрушками девочки. Со стены, с лоскутного коврика весело кричал петух. Оранжевое солнце и подсолнух на коврике сшитые из одного материала. Над коричневым забором пестреют мелкие цветы. Петух смотрит на мир красной пуговицей от бабушкиной кофты. Время словно остановилось. Надо поставить стол на место, пододвинуть к столу стулья, надо выпустить Бельку ещё раз погулять, но всё сковывает желание сидеть, слушать и ждать: вот-вот закрипит дверь и придёт Галя. Тишина. Анисья тихонько вяжет носок и прислушивается. Эля передела куклу в голубое платье и тоже прислушивается. Далеко-далеко залаяла собака, зашумела пила, где то пилят дрова, по крыше пробежала кошка и снова тишина. Солнце покатилося на вторую половину дня. И вдруг послышались отчётливые уверенные шаги и шли они к их дому. Эля первая добежала до окна.

– Пришли! – закричала она, узнав Васю.

– Наконец то, – Анисья откладывает вязание, идёт открывать. Но, за дверями её ждал один парень. Он растерянно и смущённо улыбался, заглядывал за Анисью, надеясь увидеть Галю. Старуха тоже искала дочь. Она в надежде найти её, мельком осмотрела улицу.

– Где Галя? – спросили они друг у друга почти одновременно. Парень спросил робко, с надеждой. Старуха не терпеливо, сердито. Она уже устала ждать. На худом лице парня чётче проявились веснушки, в голубых глазах заметалась растерянность. Он неловко провёл рукой по не давно подстриженным волосам, пожал плечами.

– Не знаю, я её со вчерашнего дня не видел. Договорились, что я сам к вам приду.

– Где Галя? – Не хотела верить старуха, – крадучись ушла, так и показаться боится? Не чужая я ей – матери. Поперёк её счастья не стану. Говори мне правду. Я и Элю сама выращу, моей пенсии на двоих хватит.

Пенсия её не велика, но и ею готова поделиться Анисья, лишь бы нашлась дочка. Вынуждённо поверив парню, она приглашает его в дом, угощает ватрушками, приносит тот стакан сметаны, припасённый для Гали. С дочкой что то случилось? Перед неопределённой бедой Анисья ищет в парне союзника и защитника. Она подробно рассказывает, как Галя мыла пол, потом стирала, а Эля играла на улице. Сама Анисья пекла ватрушки, потом приходила Манька, принесла материю сшить ей платье. Анисья в доказательстве своих слов показала парню материю, принесённую Манькой. Он внимательно её выслушал, стремясь уловить в её рассказе, хоть какой нибудь намёк на разгадку. Медленно прошёлся по комнате, заглянул и в маленькую

комнатку, посмотрел на вышитый Галей маленький коврик на стене с горластым петухом на плетне.

– И куда могла деться? – вздыхает Анисья.

– Да, куда? – Вторит её Вася. Он отдаёт Эле и вторую, припасённую для Гали шоколадку, вяло гладит её по голове.

Они выходят на улицу, всё ещё, продолжая искать ответ, друг у друга и у прохожих. Дожидаются полного, широкоплечего мужика.

– Там, у остановки нечего не произошло? – С тревогой и надеждой спрашивает Анисья.

– Нет, – мужчина пожимает плечами, – ничего такого особенного. А что случилось?

Анисья с досадой машет рукой, замолкает.

– На пруду ни кто не утонул? – торопливо добавляет Вася.

– Нет, вроде, – прохожий возвращается снова, – а что случилось?

– Баба пропала, – признаётся Вася, – ещё утром ушла за козой, до сих пор нет её.

– В милицию надо, – предложил прохожий, – может, выпить куда забежала? Может вы поссорились или внезапно сердце прихватило? А вдруг память потеряла? Всякое бывает.

Анисья и Вася в знак несогласия синхронно качали головами.

– Да, придёт ещё, – пожалел их прохожий.

Анисья вернулась домой, а Вася пошёл с прохожим, на ходу рассуждая с ним о завтрашних поисках пропавшей. Неизвестность давила на Анисью, заставляя то надеяться на лучшее, то загружала воображение страшными приключениями для Гали. На другой день они заявили в милицию, сходили в морг, обошли все больницы, расспросили соседей, но Галю так и не нашли.

Петька дома

Комната, куда Петька зашёл с кульком и ополовиненной бутылкой водки, выглядела беднее, чем у Борьки, зато чище и уютней. Домотканые дорожки лежали на полу, простенькие белые шторы висели на окнах, сиреневыми в полоску обоями оклеены стены. Пара диванов, комод, стол, сервант и стулья, – всё потёртое и поцарапанное. Но, зеленоватые, не давно купленные покрывала на диване, сиреневая штора на печи, зеленоватая же покрывало на комоду и тяжёлая, жёлтая скатерть на столе скрадывали ветхость мебели и придавали комнате весёлый, нарядный вид.

С появлением мужа Манька сидела за столом, скушаяще смотрела за окно.

– Чё без дела сидишь? – спросил Петька. Его раздражала праздность жены. В такие минуты он чувствовал себя обманутым. Он больше зарабатывал и потому предполагал, что жена должна больше его работать дома. – Или ждёшь, когда муж придёт, накормит, напоит?

Манька накуксилась.

– Машинка опять не шьёт, пришлось снова Гальке отдать шить, сдерёт опять сколько много.

– Гальке отдала? – Рассердился он, – а кто тебя просил? Ты меня спросила, я тебе разрешил?

Манька совсем присмирела: стояла перед мужем, склонив голову, потерянно крутила колечко на пальце. А Петька развалился в кресле, хмурился, сердито грыз ноготь. Так с женой он редко разговаривал, любил её. А сейчас он выпил, Борька почти выгнал его из дома, и ещё Манька отдала шить материю Гальке. Зачем? Галька сейчас и так сошьёт, бесплатно. Поторопилась его баба. Виноватый вид жены не много сбавил Петькино недовольство Борькиным с ним обращением. Петька даже нашёл ему оправдание: устал человек. И вовсе не выгнал, а целый пакет вкусностей ему дал: почти целую бутылку водки. Петьку потянуло ещё выпить, ласково поговорить с Манькой и он быстро нашёл выход как исправить её ошибку.

– Завтра же забери материю обратно, поняла? У меня друг есть – Борис, он мне сошьёт за так, по дружбе. А машинку я отнесу в ремонт, сегодня же, поняла?

Манька быстро-быстро замотала головой, перестала крутить колечко и улыбнулась.

– На, бери! – Петька, не вставая протянул ей пакет, словно великую драгоценность, – на ещё, – и отдал ей бутылку.

Сам достал из серванта потёртую, серую шаль, расстилает её на полу, ставит на неё машинку, и связав концы шали, относит ношу ближе к порогу.

– Вот, – говорит он Маньке как и прежде, добродушно и ласково, – Машинку отремонтируем и шить будешь, дома шить, а я продавать. Борис такие дела заворачивает, и я у него продавцом буду.

– Из пожарной что ли уйдёшь? – пугается Манька.

– Нет.

– Ну, смотри сам, делай как лучше, – успокаивается она.

Петька вспоминает о ботинке, о шнурке, завязавшемся узлом. Он садится на кресло, кладёт нога на ногу, принимается распутывать узел. Манька осторожно вылавливает из пакета „угощение“, Конфеты она осторожно кладёт на отдельную тарелочку, брезгливо смахнув с одной из них рыбы кости. Сыр и колбасы она определяет на вторую тарелку, а рыбу на третью.

– Ты скоро? – зовёт мужа.

– Успеешь, – бурчит он.

Манька наклоняется и сама зубами развязывает узел. Они пододвигают стулья ближе друг к другу и садятся за стол. Богатая для них закуска и щедрая выпивка настраивают супругов на добродушный лад. Забыта недавняя размолвка, они снова нужны друг другу и любят друг друга. Они чокаются, выпивают и закусывают колбасой.

– Борис, он это, как его, – замямлил Петька, – материи купил много-много и позвал меня отметить это дело. Две бутылки водки выпили, я поменьше, а он и третью распечатал.

– Денег много – так чё ему не пить, – с обидой говорит Манька, – на рынке торгует дорого. Спекулянт!

– Напился до соплей, – продолжает сочинять Петька, – уткнулся мордой в салат. „Доедай-допивай, – машет мне рукой, а сам и морду от стола поднять не может. Я в кулёк всё покидал, бутылку прихватил и ходу домой. А то, думаю, привяжется „посиди, да посиди, и не отпустит.

– А он за тобой не закрылся? – встревожилась Манька.

– Нет, – мотнул головой Петька. – Я машинку понесу, за одним и к нему загляну. А пить сегодня больше не буду. Мне хватит, я свою норму знаю.

Однако он продолжает сидеть за столом, лениво прожёвывая сыр, разворачивая конфетку и допивая водку. Машинка подождёт до завтра, всё ровно сегодня Борька его не пустит.

Узница

Галя очнулась через два часа. Затылок словно тисками стянуло. Тупая, ноющая боль сковала всё тело. И очень холодно. Она с трудом открыла глаза. Кругом сплошная темень, лишь где то наверху смутно белело. Медленно Галя вспомнила утро, стирку, запах ватрушек, поиски козы и разговор с Борькой. Она вспомнила и про машину и решила, что её всё же сбили. Хотя гараж и коровьи лепёхи утверждали обратное, но если её не сбили машиной, то что тогда могло с ней случиться? Других вариантов для себя Галя не находила. А похищение из области фантастики. И для чего её похищать? Какой за неё могли выкуп? Галя беспокойно зашарила вокруг себя руками. Голые доски, железные ступеньки лестницы неумолимо доказывали неотвратимость беды в которую она попала. Заточение, тюрьма и ничтожный, злой Борька волен над ней распорядиться? Теперь она в его власти, зависит от его воли и желания? Галя сильно затошнило, потом вырвала. Она отползла от сырого места, почти безучастно сознавая целостность своих рук и ног. Галя тихонько встала, нащупала холодные, ребристые ступени лестницы, с трудом забралась до самого верха. Головой опёрлась о что то твёрдое и прочное. Попыталась удержаться одной рукой, а второй приподнять люк. Он даже не шевель-

нулся, а в руку воткнулась острая заноза. Галя зубами вытащила её. Усилия, потраченные на занозу, на борьбу с люком, совсем обессилили её. Пришлось слезть. Не много передохнув, Галя попыталась обследовать другие стороны. В поисках выхода, в темноте, она наткнулась на плоский брусок, весьма похожий на ручку двери. С отчаянной надеждой она навалилась на неё и открыла скрипучие, тяжёлые двери. Там темнота ещё гуще, чем у лестницы. Галя обшарила и это помещение, посадила ещё пару заноз. Она натыкалась на острые деревянные углы, нашарила флягу и рукой сбила на пол посуду. Других дверей она не нашла, доски тоже держались крепко. Выбившись из сил, она присела прямо на пол, натянув кофту на колени. Для чего это помещение? Насколько пригодно оно для жилья? Галя об этом не задумывалась, это не для неё. Главное сейчас согреться, достать занозы, унять боль, тошноту и слабость. Языком и зубами она вытащила занозы, немного согрелась и задремала. Галя сердилась на Борьку, намечала, как она завтра его отругает, а растерянность, испуг ещё не овладели душой её. Ближе к вечеру зажглась одинокая голая лампочка, висящая у самого потолка. Заскрипели двери, толстый Петька занёс тяжёлую швейную машинку и с торжеством водрузил её на стол.

– Орудие производства, – громко захохотал он, – шей давай, работай на нас! Стоило своё сама нашла, молодец! Хвалю. Ты у нас будешь, как рабочая скотинка. Я правильно говорю, – обернулся он к зашедшему следом Борьке. Тот кивнул головой, положил на стол ножницы, мел, метр, листки бумаги, не большой рулон серой материи. Борька оценивающе осмотрел каморку и саму узницу. В углу темнеет калорифер, слабо отсвечивает фляга, у стола валяется ведро. Табуретка, выкрашенная в светло – коричневый цвет, здесь, в подземелье, выглядит предметом роскоши. Радует глаз и голубая кастрюля с миской, которые бережно поднял Борька.

Галя настроилась зашуметь, закричать, отругать как следует непутёвого Борьку, и не медленно выбраться отсюда, уйти. Она приготовилась поставить ему в упрёк, и томительные часы, проведённые здесь, и боль во всём теле, и беспокойство матери. Не особо надеясь на угрозы, она неосознанно готовилась так же умолять о пощаде. Скрестив руки на груди, Галя высоко подняла голову и невольно заискивающе, жалко улыбнулась.

– С новосельем вас, – опередил её Борька. Он пинком задвинул ведро в угол, под нары и стал в упор разглядывать узницу.

– С новосельем вас, – повторил он. Уверенно сжимались его губы, холодным блеском вспыхивали глаза. Он издал булькающий, радостный хохот, похожий на победный рык животного. Галя опустила руки, низко склонила голову, убрала улыбку.

– С новосельем вас, – медленней и протяжней снова повторил Борька, – я вижу, что вы устроились. Номер не люкс, но всё необходимое для вашей жизни я приготовлю. Вода во фляге недельная. Вы уж извините нас, но так долго мы вас ждали. Будете мужские трусы шить, чтоб не скучать. За это я принесу вам хлеба и картошки. Кушайте. За хорошую работу крупы добавлю. За очень хорошую работу летом грибов и ягод принесу, если их у меня много будет. За плохую работу плеть отведаете. За очень плохую на цепь посажу. Принеси-ка ей постельное бельё, – обернулся он к Петьке, – можешь с печки содрать, всё ровно его стирать надо. Петька недовольно пожимает плечами, уходит.

– Видишь, какие я тебе хоромы приготовил, – вкрадчиво проговорил Борька, -

Главное с улицы нечего не видно и не слышно. До всего сам додумался. Электричество сюда провел и лестницу под ток подключил. Умный я умный, я работаю простым портняжкой. Решил я в люди выбиваться через эту вот комнату, рабов сюда натолкаю, пусть работают на меня.

– Выпусти меня, – взмолилась Галя, – сколько надо – заплачу.

– Ты меня не слушаешь – рассердился Борька, – я с тобой как с человеком, а ты ... Куда выпусти? Ты что! Я чего все это три года строил? Для чего мы с Петькой три года тут горбатились.

– Конечно, – захохотал вернувшийся Петька. Он кинул кучу белья на нары и вдруг рывком бросился на Гаю. Он старался подмять ее под себя, громко пыхтел, щипал. Узница старалась заползти под узкие нары, куда тучному Петьке не было ходу.

– Еще и брыкается, – пытался он сломить сопротивление Гали, – дайся по-хорошему, а то хуже будет!

– Оставь ее, – громко приказал Борька, – неужели нам других баб не хватит? А эта пусть работает. А то еще забеременеет, телиться здесь придумает. Петька нехотя отошел, сел на единственный стул.

– У меня Манька есть, – тяжело дыша, проговорил он, – лучше этой будет, потолще, погрудастей.

Они ушли, Петька на прощанье плотоядно улыбнулся. Борька показал длинную, на вид твёрдую, плетё с гладкой чёрной ручкой.

– Тоже всегда со мной. Помни, если вдруг на твою беду дурная мысль тебе в голову придёт.

Сверху они выключили свет.

Тоска, боль, острое нежелание оставаться здесь, обида на судьбу, злость на Борьку – всё слилось в едином порыве.

– Не хочу! – Кричала в пустоту, – не хочу, не надо, не буду!

Единый, тягучий ком боли всё же поддавался расслоению. Внутри него крохотными ростками зарождалось смирение, которое рождало надежда на случай, который поможет ей. От многого зависела судьба её: могла разыскать её милиция, мог помочь Вася или мать. Да и сам Борька может отпустить её за деньги.

– Ещё вчера, ещё сегодня я была дома и, всё могло быть по-другому. Галя ужасалась близко желанному, а сейчас, увы, утраченному. Приходилось думать теперь только в прошедшем времени: будущего у неё словно не стало, его похитили, украли. Гаю сейчас ничего не торопило, она ни куда не опаздывала, ей нечего было делать. Она просто лежала, дремала, мысли бродили вразброс, ни на чём конкретном не останавливаясь.

Внезапный свет от лампочки заставил её вздрогнуть. Галя растерянно встала, принялась сворачивать тонкое лоскутное одеяло, стряхивать подушку, скатывать матрас. Она действовала не осознанно, вспомнив, как в детстве так же делала в пионерском лагере, собираясь домой. Всё сложила в аккуратную кучку и стоя встретила своего тюремщика. Со скрежетом открылась дверь. Борька долго и внимательно смотрел на неё, остался доволен.

– Уже встала, молодец! Твоё время отныне принадлежит мне. Умываться, я думаю, тебе не обязательно, быстрее привыкнешь. Волосы остриги короче – вши мне тут не нужны.

– Выпусти меня! – Снова взбунтовалась она, – не хочу, не буду, не желаю, не стану!

– Ты опять? – Удивился Борька и вновь в глазах его вспыхнул льдистый огонёк. – Мы же вчера с тобой договаривались! Я умный, пойми ты. Я желаю жить лучше. Я не могу воровать, это занятие для плебеев. Я это убежище рыл три года!

– А при чём тут я!? – Закричала Галя, – я тут при чём? В чём я виновата?

– Да не при чём, – Согласился Борька, – твоей вины здесь нет, но таков закон жизни. Разве виновата берёзка, выросшая рядом с сосной. А сосна заберёт у неё солнечный свет и влагу.

– Отпусти, – Выдохнула Галя, – я денег тебе заплачу, сколько попросишь, только отпусти.

– Не можешь, значит, сожалееющее сказал Борька. Он положил на стол ломоть чёрного хлеба, пару картошек, – ну, смотри, я хотел с тобой по хорошему.

В шёпоте таилась холодная злость, страшнее буйной ярости своей расчётливостью и непоколебимостью.

Борька медленно с улыбочкой достал плетё.

– Не надо! – Запротестовала Галя.

– Нет, надо! – Жёстко заключил Борька, – тебе же лучше будет.

Галя побежала, уронила стул, опрокинула ведро, добежала до дверей, и тут на пути её встали цепкие руки вошедшего Петьки. Он ухмылялся, предвкушая забаву. Галя метнулась обратно и тут же получила хлёсткий удар вдоль спины. Узница хотела снова спрятаться под нары, но сильная рука Борьки схватила её, откинула в угол и избивала там, уже смирившуюся, заплаканную, покорную.

– Уууу, – Насмешливо дразнил её Петька. Борька кривил губы. Нравилось ему заставлять других поступать по его, Борькиной воле. Но всё же торжество его стало б ярче и полнее, если б свидетелем его победы стал не дурной Петька, а кто ни будь по умнее и поприятней. Борька аккуратно сложил плетъ, положил её в карман, поправил на себе синий спортивный костюм. Петька повторил его движения, хотя его чёрное трико через минуту снова висело на коленках. А кофта, связанная Манькой из разных остатков пряжи, выглядела грязной, аляповатой, узкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.